

А. Р. ЗИНДЕР

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ФОНЕТИКИ СЕВЕРНЫХ ЯЗЫКОВ

С 1932 до 1941 г. в Лаборатории экспериментальной фонетики (ЛЭФ) Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова велась работа по изучению фонетики северных языков. В работе, которая шла под непосредственным руководством А. В. Щербы, кроме сотрудников Лаборатории принимали участие и сотрудники Института народов севера — специалисты по соответствующим языкам. Объектом исследования были звуки нивхского (гиляцкого), эвенского (ламутского), удэйского, эвенкийского, чукотского, корякского, эскимосского, мансийского и хантыйского языков. Из пяти подготовленных к печати описаний — звукового состава нивхского, эвенского, удэйского, эвенкийского и корякского языков — до сих пор было опубликовано только одно.¹

Так называемая экспериментальная фонетика, изучающая звуки речи при помощи специальной аппаратуры в полном отрыве от лингвистики и без учета социальной (языковой) функции этих звуков, получила в Западной Европе и в Америке широкое распространение и считается там самостоятельной дисциплиной. К сожалению, и у нас иногда приходится сталкиваться с таким пониманием вещей. Так, например, Л. И. Жирков пишет в своем „Лингвистическом словаре“: „При таком изучении звуки речи исследуются посредством различных аппаратов, производятся эксперименты над звуками, что относится к специальной дисциплине — экспериментальной фонетике“.²

Экспериментальный метод, который, как писал Щерба,³ должен занимать важное место в лингвистике вообще, в фонетике играет ведущую роль. Эксперимент вовсе не предполагает обязательного пользования аппаратурой, и наоборот — работа при помощи приборов еще не есть эксперимент. Как известно, эксперимент отличается от наблюдения тем, что исследователь не пассивно учитывает поведение объекта в различных условиях, а сам ставит объект в определенные условия для того, чтобы выяснить, какова связь между этими условиями и интересующим его явлением. Следовательно, если регистрировать речь при помощи звукозаписывающих приборов, не подбирая заранее материал так, чтобы он отвечал на определенные вопросы, то исследователь ставит себя в положение наблюдателя, а не экспериментатора. Если же исследователь, желая, скажем, определить, представляют ли данные два звука варианты одной фонемы или же две отдельные фонемы, ставит их в такие фонетические условия, которые дают возможность заключить, имеют ли они смысловоразличительную функцию, то он поступает как экспериментатор, хотя и не пользуется при этом никакими приборами. Таким образом, экспериментальная фонетика — это лишь разновидность экспериментального метода в фонетике, разновидность, которую в отличие от исследования звуков на слух можно было бы назвать объективным методом. Последний необходим в силу того, что, как писал Щерба, „даже изошренное ухо слышит не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать, применительно к ассоциациям собственного мышления“.⁴

Только широкое понимание экспериментального метода позволило избежать при изучении фонетики северных языков разрыва между фонетическим (в узком смысле этого слова) и фонологическим аспектом звука речи. Ведущая роль фонологического, т. е. семантического аспекта при этом всегда имелась в виду. Исследование начиналось всегда с проверки на слух состава фонем данного языка и важнейших фонологических явлений (чередования фонем, ограничения в употреблении фонем, условия бытования фонем и т. п.). Лишь после этого производилась запись слов при помощи соответствующих приборов, позволявшая уточнить фонетическую характеристику в первую

¹ М. И. Матусевич и А. Р. Зиндер. Экспериментально-фонетическое исследование фонем нивхского языка. Учпедгиз, 1935.

² Л. И. Жирков. Лингвистический словарь. 1946, стр. 123.

³ А. В. Щерба. О трияком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языковедении. ИАН, 1931, стр. 113—129.

⁴ А. В. Щерба. Субъективный и объективный метод в фонетике. ИОРЯС, т. XIV, 1909, кн. 4.

очередь основного варианта фонем, хотя не оставались без внимания и остальные варианты.

Результаты этих работ, важные в первую очередь для развития письменности и строительства соответствующих литературных языков, представляют и общелингвистический интерес. Прежде всего, как этого и следовало ожидать в языках с развитой флективно-агглютинативной морфологией, наименьшей смысловозначительной единицей во всех северных языках является отдельный звук речи. Следов более древнего состояния в них пожалуй нет, если не считать свойственной многим из этих языков гармонии гласных, свидетельствующей о некоторой фонологической несамостоятельности их, — явления, давно хорошо известного в лингвистике.

Второе, что можно было бы отметить, это отсутствие в этих языках каких-либо „экзотических“ согласных звуков. Мы не найдем в них ни щелкающих согласных южноафриканских языков, ни смычных согласных, осложненных гортанной смычкой, да еще и палатализацией или лабиализацией, встречающихся в некоторых северокавказских языках. В общем, можно сказать, что артикуляционная база этих языков не отличается от артикуляционной базы¹ тюрко-монгольских, финно-угорских, а также и индо-европейских языков нашего Союза, по крайней мере в том отношении, что в них мало используются для образования шумов органы произношения, лежащие глубже полости рта. Фарингальные и гортанные артикуляции используются в них мало.

Интересную картину с общезвонической точки зрения представляют системы согласных ряда языков. В корякском и мансийском, например, мы имеем только две группы согласных: сонорные и глухие. Промежуточная группа — звонкие шумные (б, д, з, ж и т. п.) — в них отсутствуют. Таким образом, можно сказать, что согласные характеризуются в этих языках отсутствием голоса; звонкость является признаком гласных и полугласных. В языках, имеющих звонкие шумные согласные (по крайней мере в некоторых из них), эти последние усугубают в смысле их фонологической значимости глухим согласным. Так, в нивхском языке глухие смычные непридыхательные могут стоять и в начале слова, и в конце, и в интервокальном положении; соответствующие же им звонкие встречаются только в конце слова.

Во всех обследованных в ЛЭФ языках различаются три типа глухих смычных согласных — губной, переднеязычный и заднеязычный. Этим подтверждается существующее в лингвистике положение о том, что они представляют собой основной фонд согласных вообще, обязательный для всех языков мира. В северных языках довольно часто встречается и четвертый тип смычных — увулярные. Распространен также пятый тип — среднеязычных, который в большинстве случаев представлен не чистым смычным, а аффрикатом. Если сопоставить с этим разнообразием смычных относительную бедность северных языков глухими щелевыми, то можно будет сказать, что основным костяком консонантизма в них являются смычные согласные.

Бедность щелевыми также принадлежит к числу интересных особенностей северных языков. Только в нивхском языке всем четырем типам чистых смычных (губные, переднеязычные, заднеязычные, увулярные) соответствуют щелевые согласные. В большинстве же из этих языков отсутствуют заднеязычные и увулярные глухие щелевые, а в некоторых и губные; если они и встречаются, то скорее как варианты смычных, а не как самостоятельные фонемы. Общим для всех обследованных в ЛЭФ северных языков является лишь переднеязычный щелевой *s*; можно считать, что и он входит в число „обязательных“ согласных. В эвенском языке, по крайней мере до самого недавнего времени, имелась одна единственная глухая щелевая фонема, представленная двумя вариантами: в начале слов — фарингальным *h*, в середине и в конце слов — переднеязычным *s*. В настоящее время в эвенском, как и в ряде других языков, появляется под влиянием русского языка губной щелевой — *φ*. Интересно отметить, что звонкий губной щелевой, наличен во всех северных языках (в большинстве случаев это губно-губной *w*), но, будучи сонантом, он не составляет пары с *φ*. Последний если не заимствуется с русскими словами, развивается повидимому из смычного *п*. Так дело обстоит во всяком случае в удэйском языке, где *п* и *φ* еще недавно были позиционными вариантами одной фонемы; *п* встречалось только в начале и в конце слов, *φ* — только в интервокальном положении. Сейчас в русских заимствованиях *φ* появляется и в начале слов.

Интересны с общезвонической точки зрения некоторые редкие типы согласных, встречающиеся в северных языках. Таковы, например, глухие боковые (так наз. глухое *л*) чукотского и хантыйского языков, противопоставляющиеся звонким боковым как самостоятельные фонемы, или глухие носовые (*м, н, њ*) того же хантыйского (средне-обского говора) и эскимосского языков. В нивхском языке мы встречаем не только придыхательные смычные, но и придыхательные щелевые согласные; правда последние не являются особыми фонемами. В этом же языке имеется глухой дрожащий (глухое *р*), противопоставляющийся как самостоятельная фонема звонкому. В эскимосском языке противопоставляются два типа губно-губных звонких щелевых: плоско-щелевой и кругло-щелевой. Заднеязычный носовой, как известно, не представляет редкости, но обычно он встре-

¹ Разумеется, об общей артикуляционной базе целой группы языков можно говорить только условно.

чается только между гласными или после гласных; в ряде же северных языков он может стоять и в начале слов как перед гласным, так и перед согласным.

Системы гласных в большинстве из обследованных языков отличаются сравнительной простотой. Число гласных обычно невелико. Лабиализованные гласные заднего ряда встречаются редко. Довольно широко распространено противоположение долгих и кратких.

Исключительной сложностью системы гласных отличается удэйский язык, в котором противопоставляется пять групп гласных: краткие, долгие, прерывные, придыхательные и дифтонги. Напротив, максимальной простотой характеризуется система гласных эскимосского языка, в которой насчитывается всего четыре фонемы, а именно — *и, а, у, г*. Интересно отметить, что гласные *и, а, у*, имеющие наибольшее распространение во всех описанных до сих пор языках мира, имеются и во всех северных языках.

В этих языках встречаются некоторые редкие и даже совсем не известные еще в фонетике типы гласных. Прежде всего следует указать прерывные и придыхательные гласные удэйского языка. Первые характеризуются наличием в середине гласного гортанной или фарингальной смычки; вторые — наличием в них звонкого щелевого фарингального элемента. Любопытно, что средняя длительность этих сложных гласных меньше средней длительности простых долгих удэйского языка. Последние также отличаются известным своеобразием; очень ровные по высоте тона на всем их протяжении, они являются двухвершинными в отношении интенсивности. Несмотря на столь сложный характер, все эти гласные представляют однослоговые и однофонемные образования. В некоторых из обследованных языков мы находим неогубленные гласные заднего ряда; так, в хантыйском и мансийском имеется такой гласный наивысшего подъема (делабиализованное *у*); в эскимосском — неогубленный гласный более низкого подъема. Широко распространены во всех северных языках гласные смешанного ряда различного подъема.

Совершенно открытым остается пока вопрос об ударении в северных языках; вместе с тем, насколько можно судить по некоторым случайным наблюдениям, этот вопрос представляет большой общefonетический интерес. В некоторых языках, повидимому, связям нет ударения, по крайней мере в фонологическом смысле; в других, как это как будто обстоит в эскимосском, нет словесного, но есть ритмическое фразовое ударение, состоящее в чередовании ударенного слога с неударенным.

Надо надеяться, что исследование этого вопроса найдет себе место при дальнейшем экспериментальном изучении фонетики северных языков, которое будет возобновлено и будет развиваться, как это было при жизни основателя Лаборатории экспериментальной фонетики, акад. А. В. Щербы.

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1948, том VII, вып. 6

ноябрь — декабрь

ХРОНИКА

ЧЕСТВОВАНИЕ АКАДЕМИКА С. П. ОБНОРСКОГО

Торжественное заседание Отделения литературы и языка АН СССР и Института русского языка, состоявшееся 28 июня 1943 г., было посвящено шестидесятилетию со дня рождения акад. Сергея Петровича Обнорского. На чествовании одного из виднейших советских филологов собрались многочисленные представители учреждений Академии Наук СССР, университетов, педагогических институтов, ближайшие сотрудники и друзья С. П. Обнорского.

Акад. И. И. Мещанинов, открывая торжественное заседание, приветствовал юбиляра как одного из лучших работников Отделения.

Акад. В. В. Виноградов сделал доклад: „С. П. Обнорский — историк русского языка“. „С именем акад. С. П. Обнорского, — сказал докладчик — у всех нас соединяется представление о крупнейшем современном деятеле в области русского языкознания. Работы Сергея Петровича, особенно его основные труды: «Именное склонение в современном русском языке» (вып. I, 1927 и вып. II, 1931) и «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» (1946), — оказывают большое влияние на развитие советской науки о русском языке“.

Далее докладчик отметил характерные черты акад. С. П. Обнорского как ученого: всепоглощающую страсть к науке, поразительное трудолюбие, тщательность, строгую методичность и точную продуманность в обработке языкового материала, сильное патристическое чувство любви к великому русскому языку и великому русскому народу.

В творческой биографии Сергея Петровича следует различать два периода. Один — с первых самостоятельных научных шагов акад. С. П. Обнорского до начала тридцатых годов, до работы о „Русской Правде“ как памятнике русского литературного языка“ (Известия АН СССР, Отд. общ. наук, 1934, № 10). Другой период — с 30-х годов до настоящего времени.

Задача построения общей истории русского языка всегда стоит в центре исследовательской работы Сергея Петровича. Первоначально в работе над разрешением этой задачи Сергей Петрович идет по пути, намеченному акад. А. А. Шахматовым, занимаясь исследованием непосредственных источников для истории языка. Источники эти, относящиеся к древнейшему периоду русской письменности, изучаются Сергеем Петровичем преимущественно с историко-фонетической и историко-морфологической точек зрения.

Сергей Петрович тщательно исследует историю глухих в Чудовской псалтири XI в. (Русск. филолог. вест., 1912, т. 63, № 3—4), глухие, в сочетании с плавными, и судьбу г-та в Супрасльской рукописи (ИОРЯС, 1912, XVII, кн. 1 и 3), дает точное и детальное описание графики, фонетики и морфологии языка Ефремовской Кормчей XII в. и Миней за ноябрь 1097 г. (по изданиям Бенешевича и Ягича).

Но уже в этот ранний период научно-исследовательской деятельности Сергея Петровича определяются его собственные самобытные взгляды по целому ряду важных вопросов истории русского языка. В рецензии на „Грамматику русского языка“ сербского профессора Р. И. Колутича (ИОРЯС, 1916, т. XXI) Сергей Петрович выдвигает новую концепцию о большом значении северной произносительной нормы в истории русского литературного языка XVIII—XIX вв. и о ее борьбе с московской произносительной нормой. Эта концепция, не соответствовавшая Шахматовской точке зрения, получила более глубокое и развернутое обоснование в последующих работах Сергея Петровича: „Ломоносов и русский литературный язык“ (Известия АН СССР, ОЛЯЯ, 1940, № 1) и „Пушкин и нормы русского литературного языка“ (Труды юбилейной научной сессии АГУ, 1946).

В эту же раннюю пору своей научной деятельности сложилась глубокая убежденность Сергея Петровича в самобытности русской языковой культуры. В ряде статей 1914—15 гг. он стремился доказать, что господствовавшие тогда представления об объеме